История развития России

History of development of Russia

УДК 94 (571.53)
ББК 63.3

Лев Михайлович Дамешек,
доктор исторических наук, профессор,
Иркутский государственный университет
(Иркутск, Россия), e-mail:dameshek@rambler.ru
Ирина Львовна Дамешек,
доктор исторических наук, профессор,
Восточно-Сибирская государственная академия образования
(Иркутск, Россия), e-mail:dameshek@rambler.ru

Россия и Сибирь: место Сибири в процессах социально-экономического развития империи

Статья посвящена анализу места Сибири в процессах социально-экономического развития российского государства в XIX – нач. XX вв. Прослеживается история складывания административного устройства Сибири, подчеркивается роль в этих процессах М. М. Сперанского и Н. Н. Муравьёва-Амурского. Дана оценка демографических процессов, происходивших в Сибири, определена численность русского и коренного населения, отмечена сибирская демографическая особенность – преобладание сельского населения над городским.

Анализ экномического развития Сибири свидетельствует о том, что основные отрасли развивались весьма однобоко, выступая в качестве поставщиков сырья для европейского центра. Сибирь поставляла в центр пушнину, драгоценные металлы (серебро, золото), продукцию сельского хозяйства – зерно и масло. Увеличению поставок последних способствовало окончание строительства Транссиба, который связал Сибирь с центром страны. В статье сделан вывод о том, что Сибирь имела относительно развитое сельское хозяйство, средний по уровню развития транспорт и весьма слабую промышленность.

Ключевые слова: Россия, Сибирь, социально-экономическое развитие, административное устройство, промысловая и земледельческая колонизация.

Lev Mikchailovich Dameshek,
Doctor of History, professor, Irkutsk State University
(Irkutsk, Russia), e-mail: dameshek@rambler.ru
Irina Lvovna Dameshek,
Doctor of History, professor,
East-Siberian State Academy of Education,
(Irkutsk, Russia), e-mail: dameshek@rambler.ru

Russia and Siberia: Siberia in the Social and Economic Development of the Russian Empire

The article is devoted to the analysis of the role Siberia played in the social and economic development of the Russian state in the 19th – early 20th cc. The au-

© Л. М. Дамешек, И. Л. Дамешек, 2012

thors follow the history of the administrative development of Siberia; emphasize the contribution of M. M. Speransky and N. N. Muraviov-Amursky. The demographic situation in Siberia has been assessed, the number of the Russian and local population has been determined, one demographic peculiarity has been pointed out – rural population prevails the urban one.

The analysis of the region economy proves that major industries development was one-sided. The region served mostly as a supplier of the raw materials for the European center. Siberia delivered fur, silver and gold, corn and vegetable oil to the center. The amount of deliveries increased thanks to Trans-Siberian Railway which connected Siberia and the Russian center. The authors come to the conclusion that Siberia had quite developed agriculture and transport, but rather weak industry.

Keywords: Russia, Siberia, social and economic development, administrative structure, trade and agricultural colonization.

Присоединение Сибири к России является одним из выдающихся событий отечественной истории XVII в. Имея в виду именно это обстоятельство, М. Я. Гефтер отмечал, что Россия только тогда стала Россией, «когда вобрала в себя Сибирь». Именно с Сибирью Россия стала тем огромным пространством, которое называется Евразией [21, с. 583]. Дальнейшее взаимоотношения центра и вновь присоединённых восточных территорий в немалой степени определялось характером присоединения этих земель к России. Разделяя точку зрения датского историка О. Г. Кристенсена о том, что в России «в восточном направлении приращение земель носило характер колонизации», следует отметить, что применительно к Сибири более обоснованным представляется вести речь о сочетании методов колонизации, как освоения пустопорожних земель, и прямой экспансии, под которой авторы понимают захват чужой территории. Продвигаясь на Восток, русское государство решало двуединую задачу: с одной стороны, расширение территории несомненно способствовало упрочению границ на восточном порубежье. С другой – Сибирь манила к себе и своими немалыми естественными ресурсами – пушниной, солью, рыбой. Отмеченное обстоятельство в сочетании с природно-географическими и этническими особенностями региона предопределили «в известном смысле умеренный», мягкий характер колонизации, «мягкое» отношение к местным народностям [14, с. 134–143]. Последние рассматривались как данники московского царя, т. е. подданные государства, которые наряду с русскими крестьянами должны были нести определённые податные обязанности на его содержание. Это обстоятельство принципиально отличало колонизационную политику России в Сибири от политики США по отношению к индейцам, которые не платили налоги и в соответствии с конституцией США не считались гражданами государства [8, с. 91].

Начавшаяся одновременно с этим промысловая и земледельческая колонизация Сибири своим важнейшим следствием имела инкорпорацию Зауралья в систему экономических, административных и социокультурных связей империи. Историю хозяйственного освоения этой огромной территории можно проследить по датам основания сибирских городов. Принципиально важным моментом в ходе хозяйственного освоения, наряду со строительством острогов и крепостей, стало возникновение земледельческих центров, превращение земледелия из сопутствующего промысла в самостоятельную отрасль хозяйства. Строительство Московского почтового тракта позволило установить регулярные по тем временам отношения с центром, усилило поток новых переселенцев в лесостепные районы, способствовало укреплению безопасности проживающего населения.

В организации административно-территориального устройства восточных территорий московские, а затем и петербургские власти использовали схемы, уже апробированные в центре страны. В XVIII в. управление Сибири при некоторой специфике приобрело формы и содержание, характерные для централизованного государства. В XIX в. Сибирь вступила как неразрывная составная часть России. В административном отношении она составляла единое генерал-

губернаторство, однако в 1822 г. в результате преобразований М. М. Сперанского была разделена на Западно-Сибирское и Восточно-Сибирское с административными центрами соответственно в Тобольске (с 1839 г. в Омске) и Иркутске. Западно-Сибирское генерал-губернаторство включало в себя Тобольскую и Томскую губернии, Восточно-Сибирское – Енисейскую и Иркутскую губернии и Якутскую область.

Дальнейший процесс властного освоения сибирских территорий империей сопровождался существенными изменениями в административно-территориальном устройстве азиатских окраин. В этом смысле пик нововведений приходится на середину XIX столетия. В период пребывания Н. Н. Муравьева (впоследствии графа Амурского – авт.) на посту генерал-губернатора (1841–1861 гг.) из восточных округов Иркутской губернии – Вехнеудинского и Нерчинского в 1851 г. была образована Забайкальская область с центром в Чите [19]. В этом же году Камчатское приморское управление получило статус области, а в 1858 г. было образована новая административная единица – Амурская область, в состав которой вошли все земли по левому берегу Амура. Все три области Дальневосточного региона в управленческом отношении были подчинены генерал-губернатору Восточной Сибири. Таким образом, накануне эпохи «великих реформ» территория азиатской России в административном отношении делилась на 4 губернии: Тобольскую, Томскую, Енисейскую, Иркутскую, и четыре области: Якутскую, Забайкальскую, Амурскую и Приморскую. Однако на этом административное переустройство Зауральского края не закончилось. Активизация дальневосточной и среднеазиатской политики России отчётливо показала, что существующее административно территориальное устройство не отвечает новым политическим и экономическим реалиям, стратегическим интересам государства. Фактор отдалённости, наряду с необходимостью усиления экономического присутствия, настоятельно диктовал потребность усиления административной власти на местах. Именно поэтому в 1882 г. было учреждено Степное генерал-губернаторство с центром в Омске и объединяющее Акмолинскую, Семипалатинскую и Тургайчскую области. Одновременно с этим было упразднено генерал-губернаторство Западной Сибири, а губернии Тобольская и Томская подчинены министерству внутренних дел на «общем основании». Спустя два года, в 1884 г., было учреждено Приамурское генерал-губернаторство с центром в Хабаровске в составе Забайкальской, Амурской и Приморской областей [20]. Таким образом, произошло конституирование административно-территориального отделения Дальнего Востока от собственно Сибири. Нерешённым вплоть до начала XX в. оставался лишь вопрос о Забайкальской области, которая неоднократно «передавалась» из одного генерал-губернаторства в другое, но в конечном итоге, вернулась «на круги своя» – в Иркутское генерал-губернаторство.

Таким образом территориальные границы исследуемого региона в основном сформировались во второй половине XIX в. Это была историко-географическая и политико-административная реальность Российской империи рассматриваемого периода. Не случайно авторы юбилейного официального издания «Азиатская Россия», посвящённого 300-летнему юбилею Дома Романовых, под понятием «Сибирь» подразумевали территорию названных четырёх губерний и двух областей [1, с. 44]. Именно в этих административно-территориальных границах реализовывалась имперская идеология и практика. Расширение империи на восток сопровождалось активной колонизационной политикой на вновь присоединённых землях. Россия как бы росла, крепла за счёт новых территорий, а русское государственное ядро, по справедливому замечанию А. В. Ремнёва, поглощало имперские окраины [21, с. 31]. Важная роль в этом процессе отводилась русским православным переселенцам, которые должны были не только «приохотить» местные народы к занятию земледелием, научить их строительству крепостей и городов, но прежде всего духовно сплотить империю, в том числе и при помощи православия. Вот почему переселенческая политика являлась важной составной частью колонизационного процесса.

Для того, чтобы объективно оценить демографические процессы, протекавшие в Сибири, необходимо определить общую числен-

ность русского и коренного населения на протяжении всего изучаемого периода. Для этого сопоставим данные 7-ой ревизии (1816 г.) и материалы Первой Всероссийской переписи населения 1897 г. В итоге получается, что за 81 год с 1816 по 1897 гг. численность пришлого, главным образом, русского населения, возросла с 651 тыс. душ м. п. до 2310 тыс. душ м. п., или на 354,8 %. За этот же отрезок времени численность коренного населения увеличилась с 220 тыс. душ м. п. до 413 тыс. душ м. п., или на 87,7 %. Таким образом, получается, что темпы прироста пришлого населения в 3,5 раза превышали темпы роста коренных жителей. Отмеченное обстоятельство приводило к снижению удельного веса аборигенов в общей массе народонаселения региона с 25 % в 1816 г. до 15 % в 1897 г. [13, с. 265; 18, с. 3]. Большая часть переселенцев оседала в районах Западной Сибири. Так, например, в период с 1816 по 1854 гг. в Сибирь (в границах начала XIX в.) переселилось около 119 тыс. душ м. п. (58,87 %), в Томской – 40760 душ м. п. (34,3 %), а на долю Иркутской губернии пришлось лишь 8093 души (6,81 %) [13, с. 269].

Подобная же ситуация наблюдается и пореформенные десятилетия. В период с 1861 по 1891 гг. в Сибири водворилось примерно 450000 переселенцев, в том числе в Западной Сибири 350000, а в Восточной Сибири – около 100000 [11, с. 24]. Объясняется это рядом обстоятельств. Западная Сибирь была расположена ближе к Европейской части страны, здесь находились наиболее плодородные земли. В Восточной Сибири активно заселялась Енисейская губерния, особенно Минусинская котловина. Иркутская губерния и Забайкалье в силу отдалённости от «коренных» губерний империи, сложности природно-климатических условий, малопригодных для земледелия, в меньшей степени привлекали внимание переселенцев. На протяжении всего XIX в. этническая граница проживания русского населения в Сибири постоянно расширялась. Этот процесс усилился в начале XX столетия после строительства транссибирской железнодорожной магистрали и провозглашения новой переселенческой политики. Если с 1896 г., по 1906 г. в Сибирь переселилось 1,1 млн человек, то за 1906–1914 – 3 млн человек, или в 2,7 раза больше. Как и в дореформенный период, основная масса переселенцев (68 %) оседала в Западной Сибири, на долю Восточной Сибири приходилось 32 %. Отличительной чертой демографической картины Сибири является крайняя неравномерность распределения населения. Если в губерниях Западной Сибири, составляющих 26 % территории региона, разместилось 8,8 млн. человек, то в Восточной Сибири на 74 % территории проживало лишь 30 % населения. В 1912 г. средняя плотность населения составила 2,5 человек на 1 км^2. в Западной Сибири и 0,4 человека на 1 км^2 в Восточной Сибири. Для сравнения укажем, что в 1913 г. в Англии приходилось 130 жителей на 1 км^2, Германии – 102, США – 8, России – 6.

Ещё одной особенностью демографических процессов в Сибири было явное преобладание сельского населения над городским. Она отражала характер развития экономических отношений в регионе. Сибирские города, возникшие как военные и административные центры, к началу XIX в. утратили эти функции и всё больше превращались в места сосредоточения промышленности и торговли. В предреформенные годы в Азиатской России насчитывалось около четырёх десятков городов, однако все они находились на разных ступенях развития. Лишь в шести их них население превышало 10 тыс. человек. В Западной Сибири – это Тобольск – 16 тыс., Омск – 18 тыс., Томск − 15 тыс., Барнаул − 12 тыс.; в Восточной Сибири – Иркутск – 28 тыс., Красноярск – 10 тыс. Такие города, как Тобольск и Иркутск стали настоящими торгово-промышленными центрами. В то же время в Сибири было немало и «сельских» городов, население которых не превышало 1–3 тыс. человек. Это Ишим, Ялуторовск, Кузнецк в Западной Сибири, Киренск в Иркутской губернии и др. Некоторые города выполняли роль пограничных форпостов на юго-востоке Азии. В целом же удельный вес городского населения в пореформенной Сибири был вполне сопоставим с Европейской Россией и находился на уровне 10 %. К концу XIX – нач. XX вв. в результате интенсивного притока переселенцев в Сибирь, оседавших преимущественно в сельской местности, это соотношение изменилось. Если в Европейской России в 1900 г. удельный вес горожан

вырос до 12 %, то в Сибири, наоборот, снизился до 8 %. Накануне первой мировой войны эти показатели составляли соответственно 27 и 13 % [4, с. 69].

Крестьянское движение на Восток объективно приводило к изменению этнической картины Азиатской периферии, которая в этом отношении все больше напоминала Европейскую метрополию. Дальнейшее нарастание потока переселенцев в начале XX в. породило острый спрос на удобные для занятия сельским хозяйством земли, образовался дефицит пригодных для заселения земель. В этих условиях правительство приступило к землеустройству аборигенов на принципиально новых основаниях. Тем самым был провозглашен курс на ликвидацию сословия «инородцев», слияния их с русским крестьянским населением. Реализация этой идеи, по замыслу её петербургских творцов, не ограничивалась одной Сибирью Воплощение на практике проекта «большой русской нации», о котором пишет Л. И. Горизонтов [5], предусматривало постоянное расширение имперского ядра за счёт поглощения окраин. Вариации этой политики можно проследить на примере других окраин империи [2]. Задача хозяйственного освоения Сибири посредством переселений дополнялась и карелировалась идей интеграции окраин в единое экономическое и социокультурное пространство. Тем самым решалась стратегическая задача окраинной политики − усиление политического единства империи. Представляется так же, что сам факт опережающих темпов роста сельского населения Сибири по сравнению с Европейской Россией свидетельствует о том, что темпы агарной колонизации существенно опережали индустриальную [10].

Изучение экономического развития Сибири свидетельствует о том, что со времени присоединения её к России и вплоть до начала XX в. основные отрасли производства – сельское хозяйство, промышленность, промыслы – развивались весьма однобоко, выступая в качестве поставщиков сырья для Европейского центра. Интересы последнего защищала экономическая стратегия правительства в регионе, находившая свое выражение в разработке и практическом осуществлении законодательства в финансовой, в том числе налоговой политике, во внешнеэкономической деятельности. Такой подход был основан на признании экономической зависимости окраин от Европейского центра, в котором, по меткому замечанию известного мемуариста XIX в. Ф. Ф. Вигеля, всегда смотрели на Сибирь, как богатая барыня смотрит «на дольнее поместье, случайно ей доставшееся…». Задача поместья заключалась прежде всего в том, чтобы исправно платить «оброк золотом, серебром, железом, мехами», а состояние самого поместья мало беспокоило госпожу. По мнению Вигеля, из Сибири и так все придет само собой, а потому не следовало о ней слишком заботиться [3]. Вигель в своих высказываниях довольно точно очертил ориентацию правительственных интересов в Сибири. Для московских, а затем и петербургских царей и императоров Сибирь на протяжении XVII и XVIII столетий оставалась неисчерпаемым поставщиком столь необходимой государству пушнины [17]. После того, как соболь – наиболее ценный объект пушного промысла – был почти повсеместно выбит, на смену пушнины пришли драгоценные металлы.

Начавшаяся в середине XVIII в. сибирская золотодобыча к середине XIX в. выдвинула Россию в число ведущих золотодобывающих государств мира. Этот процесс шел весьма интенсивно. Если в 1831–1835 гг. из 378 т. пуд. золота, добытого в России, доля Сибири составляла 45 пуд., или 11,9 %, то к 1856–1860 гг. эти показатели составляли уже соответственно 1343 и 1048 пуд. Доля сибирской золотодобычи в масштабах государства составляла 78 %. Основным районами добычи и выплавки цветных металлов были Алтайский и Нерчинский горные округа, принадлежащие императорскому Кабинету [24, с. 27]. Накануне отмены крепостного права на заводах этих округов выплавлялось свыше 95 % общероссийского производства серебра, свинца и меди [15, с. 119]. В пореформенный период в связи с отменой подневольного труда и примитивной технологией производство цветных металлов резко сократилось – свинца в 4 раза, меди – в 2 раза. Из горнодобывающей отрасли, получившей сравнительно быстрое развитие в начале XX в., следует отметить соледобывающую и каменноугольную, доля которых в общероссийском производстве составляла соответственно 12 и 14,5 %. Осталь-

ные отрасли горнодобывающей промышленности развивались слабо и неритмично. В конце XIX – нач. XX вв. из этой плоскости выходит обрабатывающая промышленность, особенно те её отрасли, которые были связаны с обработкой местного сырья. В. А. Скубневский пришёл к обоснованному выводу о том, что «наиболее значительный отряд рабочих обрабатывающей промышленности был сосредоточен в пищевом и овчинно-шубном производствах». Сопоставляя показатели о числе занятых рабочих в обрабатывающей промышленности Сибири с «ведущими промышленными районами страны», историк характеризует их как «мизерное», но в то же время «вполне сопоставимое» с аналогичными показателями других окраин государства, например, Средней Азии, Кавказа, Закавказья, Дальнего Востока [23]. Такое совпадение не случайно. Оно было порождено основными принципами экономической политики империи в отношении Азиатских окраин государства, которое рассматривало эти территории как сырьевой придаток промышленно развитого центра. В. Г. Тюкавкин, И. А. Асалханов, Л. М. Горюшкин, авторы коллективных работ на основе изучения развития земледелия Сибири конца XIX – нач. XX вв., приходят к выводу о резком возрастании товарности земледелия в рассматриваемый период. Это выразилось в общем увеличении посевных площадей, преимущественном росте посевов пшеницы и овса в частности. За период с 1901 по 1913 гг. размер посевных площадей в Сибири вырос с 3,6 до 7,1 млн дес., т. е. почти на 170 %. Преимущественный рост посевов пшеницы за эти же годы составил от 1,4 до 3,5 млн. дес. В структуре посевных площадей около половины приходилось на пшеницу, что свидетельствовало о развитии товарного производства. Рост посевных площадей приводил к увеличению валовых сборов зерна. В Акмолинской, Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской губерниях валовые сборы составили: в 1901–1905 гг. – 158 млн пуд., в 1906–1910 гг. – 204 млн пуд., 1913 – 305 млн пуд. Увеличение валовых сборов пшеницы за соответствующие годы выразилось в следующих показателях – 64, 89, 148 млн пуд [12, с. 318]. Сибирский хлеб, особенно после завершения строительства Транссиба, буквально хлынул на российский рынок, что составило серьезную конкуренцию помещичьим хозяйствам Европейской России. Однако тарифная политика правительства (челябинский тарифный перелом 1896–1911 гг.), искусственное завышение цен на ввозимый в европейскую Россию сибирских хлеб, снижала конкурентоспособность последнего и сдерживала экспорт. Сохранение помещичьего землевладения в Европейской России накладывало отпечаток на экономическую политику правительства в Сибири.

Тенденции, связанные с ростом товарности, происходили и в мясомолочном скотоводстве. Сибирское маслоделие росло столь стремительно, что за короткий срок обогнало многие известные маслодельческие центры страны. Ввоз масла на территорию Европейской России не облагался пошлинами. В результате прибыли от ввоза масла были столь значительными, что в Сибири началась «масляная лихорадка». Бурными темпами шёл процесс перегруппировки стад, приобреталось оборудование для переработки молока, создавались частные и кооперативные маслодельческие заводы. За два неполных десятилетия XX в. экспорт масла из Сибири вырос до 4,5 млн пуд., что в стоимостном выражении составило 68 млн р. [6, с. 3–11]. Значительная часть масла шла на внешний рынок. Только в одном 1913 г. за границу было отправлено 4448,7 тыс. пуд., или 74,1 % произведённого в Сибири масла [12, с. 318].

Развитие сибирской экономики было невозможно без создания устойчивой системы коммуникаций, связывающих Сибирь с основными промышленными и финансовыми центрами империи. В этом смысле существенную роль сыграло установление почтовой и телеграфной связи региона с Европейской Россией. Первой по времени была установлена почтовая связь. Ещё в 1800 г. Павел I учредил особый сибирский почтамт в Тобольске, а в 1804 г. в Иркутске открывается экспедиция почтовых сообщений. В 1830 г. в России были образованы почтовые округа, в том числе и сибирский. В 1862 г. решением правительства округ разделили на Западно-Сибирский и Восточно-Сибирский, а в 1880 г. был образован Иркутский почтово-телеграфный округ, компетенция которого распространялась на все административные

образования Восточной Сибири [7]. Однако гораздо более значимым стало установление телеграфного сообщения Сибири с губерниями Европейской России. В 1863 г. была установлена телеграфная связь между Екатеринбургом и Омском, спустя два года телеграф появился в Томске, в следующем − в Иркутске, в 1866 г. телеграф связал Тюмень с Тобольском.

Однако отметим, что «возможности и характер торговли в значительной степени определялись состоянием транспорта» [16, с. 147]. Главной экономической артерией, связывающей Сибирь с промышленно развитиями районами Европейской России, оставался Московский тракт. По нему шёл основной поток грузов внутренней и внешней торговли. Однако скорость движения была невысокой – от 30 до 55 верст в день в зависимости от качества дороги. При слабой развитости гужевого транспорта стоимость перевозок зачастую превышала стоимость самого товара. Поэтому исключительно важным стало начало технического переворота на транспорте, связанного со строительством сети железных дорог.

Первой из сибирских железных дорог стала Екатеринбург−Тюменская, сданная в эксплуатацию в 1885 г. Однако в последующие годы строительство железных дорог в Сибири велось очень быстрыми темпами. К 1913 г. в Азиатской России функционировали Амурская, Уссурийская, Китайско-Восточная, Забайкальская, Сибирская, Алтайская и ряд других железных дорог. В этом же году была сдана в эксплуатацию железнодорожная ветка Тюмень–Омск, проходившая по густонаселенным уездам с развитым маслоделием и излишками товарного хлеба, строились Алтайская, Кальчугинская, Кулундинская и Минусинская железные дороги. Всего в 1915–1917 гг. на территории Сибири функционировали Омская (2318 км), Томская (1815 км), Забайкальская (1720 км) железные дороги, принадлежащие казне. Кроме того, четыре дороги принадлежали частным акционерным обществам: Алтайской (750 км), Кальчугинской (245 км), Минусинской (454 км) [22, с. 365], которые соединяли важные экономические районы с транссибирской магистралью. Таким образом, в первые 10 лет XX в. в Сибири было построено около 6000 км железных дорог, или около 700 км в год и 45 крупных мостов через реки Иртыш, Обь, Енисей. Транссибирская магистраль прочно связывала Сибирь с центром страны. Она являлась основной артерией, по которой в обоих направлениях непрерывно перемещались потоки грузов. Стремительно растущий водный транспорт уступал ей по грузообороту, обслуживал внутренние потребности. К 1917 г. общее число транспортных рабочих Сибири достигло 160 тыс. человек. Из этого числа железнодорожники составляли 118,5 тыс., водники – примерно 40–45 тыс. [15, с. 148].

На протяжении всего имперского периода место Сибири как поставщика сырья в экономике России оставалось неизменным. Правда само понятие «сырье» менялось. Если на протяжении XVII и первой половины XVIII в. это была пушнина, то затем золото стало основной статьёй сибирского «экспорта» в Европейскую Россию. Во второй половине XIX и начале XX столетий на первое место по значимости выходит продукция сельского хозяйства – прежде всего это масло. Именно это агарное сырьё служило основным источником для работы местной перерабатывающей промышленности и основной статей внутреннего вывоза и экспорта за границу. Ко времени крушения монархии население Сибири составляло примерно 7 % от общей массы народонаселения империи. При этом Сибирь давала около шестой части валового производства хлеба и около 2 % стоимости промышленного производства. На долю Сибири приходилось 8,3 % длины железных дорог, 6,5 % числа перевозок, 5,5 % торговых заведений, 4 % наёмных рабочих России. В городах проживало 12 % населения. Таким образом, Сибирь имела относительно развитое сельское хозяйство, средний по уровню развития транспорт и весьма слабую промышленность [9, с. 5–7].

Список литературы

1. Азиатская Россия. СПб., 1914. Т. 1. С. 44.

2. Бахтурина А. Ю. Институты и структура управления национальными окраинами // Административно-территориальное устройство России. С. 169–201.

3. Вигель Ф. Ф. Записки. М., 2000. С. 191. (Автор считает необходимым отметить, что в сибиреведческой литературе этот отрывок впервые был использован А. С. Кузнецовым, а затем А. В. Ремневым. См.: Кузнецов А. С. Сибирская программа царизма 1852 г. // Очерки истории Сибири. Вып. 2. Иркутск, 1971. С. 12.; Ремнев А. В. Самодержавие и Сибирь. Омск. 1995. С. 17).

4. Винокуров М. А. Суходолов А. П. Указ. соч. С. 69.

5. Горизонтов Л. Е. «Большая русская нация» в имперской и региональной стратегии самодержавия // Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности. М., 2001. С. 129–150.

6. Горюшкин Л. М. Экономическое развитие Сибири в конце XIX – начале XX веков. Новосибирск. 1990. С. 3–11.

7. Гольдфарб С. Иркутская почта. Иркутск, 1998. С. 264–267.

8. Дамешек Л. М. Проблема интеграции коренных народов Сибири в имперскую систему России XVIII – начала XX вв. // Сибирское общество в контексте модернизации XVIII–XX вв.: сб. материалов Всерос. науч. конф. (Новосибирск, 22–23 сентября 2003 г.). Новосибирск, 2003. С. 91.

9. Зиновьев В. П. Рабочие Сибири 1907–1917 гг. // Рабочие Сибири в период капитализма. Томск, 1979. С. 5–7.

10. Зиновьев В. П. Особенности перехода Сибири от агарного общества к индустриальному // Сибирское общество в контексте модернизации XVII–XX вв.: сб. материалов Всерос. конф. «Сибирское общество в контексте модернизации XVIII–XX в.». (Новосибирск. 22–23 сентября 2003 г.) Новосибирск, 2003. С. 185–193.

11. История Сибири. Л. 1968. Т. 2. С. 24.

12. История Сибири. Л., 1968. Т. 3. С. 312–313, с. 318.

13. Кабузан В. М., Троицкий С. М. Численность и состав населения Сибири в первой половине XIX в. // Русское население Поморья и Сибири (период феодализма). М., 1973. С. 265.

14. Кристенсен О. Г. История России в XVII в. М., 1989. С 134. 143.

15. Мухин А. А. Рабочие Сибири в эпоху капитализма. М., 1972. С. 119.

16. Очерки истории Алтайского края. Барнаул, 1987. С. 147.

17. Павлов П. Н. Пушной промысел в Сибири в XVII в. Красноярск, 1972.

18. Патканов С. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев. СПб., 1912. Т. 1. С. 3.

19. ПСЗ-1. Т. 38. № 29125: ПСЗ -2. Т. 26. № 25394, 24811.

20. ПСЗ- III. Т. 2. № 886: Т. 4. № 2524.

21. Ремнёв А. В. Самодержавие и Сибирь. Омск. 1995. С. 15.

22. Рабочий класс Сибири в Дооктябрьский период. Новосибирск. 1982. С. 365.

23. Скубневский В. А. Рабочие обрабатывающей промышленности Сибири (90-е гг. XIX в. – февраль 1917 гг.)

24. Хроленок С. Ф. Золотопромышленность Сибири (1832–1917). Историко-экономический очерк. Иркутск, 1990. С. 27.

Статья поступила в редакцию 20.12.2011 г.